

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ МАРИНЫ КЛЕЙН:

«Эвендины. Магия воздушных струн»

«Хроники Птицелова»

Марина Клейн

ХРОНИКИ ПТИЦЕЛОВА

Freedom

МОСКВА

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К48

Художественное оформление *Анастасии Грищенко*
Иллюстрация на обложке *mrZebraWood*

Клейн, Марина.

К48 Хроники Птицелова / Марина Клейн. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Young Adult. Молодежное российское фэнтези).

ISBN 978-5-04-200782-8

Она умеет говорить с птицами.

Он знает все языки мира и читает книги мертвым.

Девочка одержима поиском ключей.

Загадочный троереградец жаждет отыскать Страну Моа.

Потерянная девушка способна видеть таинственные знаки.

У каждого из них тяжелая судьба, своя роль, но их путь ведет к Книге, которая может спасти мироздание. Лишь в ней указано, как найти дорогу к Троереграду — первой великой цивилизации на Земле. В этом Поиске участвуют ангелы и демоны, но, чтобы завершить его, придется проникнуть в потусторонние миры. Кто же первым доберется до Книги? И обретут ли они счастье, когда Поиск подойдет к концу?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 9978-5-04-200782-8

© Марина Клейн, 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Следует знать, что наш ум
обладает способностью думать,
благодаря чему он видит мыслимое,
и превосходящим природу ума единством,
благодаря которому он прикасается
к тому, что выше его.*

Дионисий Ареопагит

Птицелов

Когда мы встретились, то пообещали друг другу, что у нас будет все, кроме самого главного.

Мы оба были жестоко изранены. Только твои раны успели зарубцеваться, а мои все еще кровоточили. Ты показался мне героем войны, окончившейся годы назад. Неважно, что тебе досталось — победа или поражение, на войне горько и то и другое, ведь побед без потерь, как известно, не бывает... От твоих ран остались шрамы, на которые все поглядывали с уважением, но спрашивать о подробностях боялись, зная, как легко разбередить душу. Поэтому в нашу первую встречу тебя окружал ореол отчужденности — ты сам возвел вокруг себя стену, хода через которую не было никому. Окружающие тебя люди кивали герою войны в знак почтения и отступали, не пытаясь штурмовать преграду. Что могло за ней скрываться? Возможно, пустота. А возможно, ярость — это куда опаснее. Ведь никто не пускается на жестокости так легко, как тот, кому нанесли столько ран.

Из моих временами все еще сочилась кровь, как часто бывает с зудящими ссадинами: их отчаянно трешь, стараясь успокоить, а вместо этого бередишь и вызываешь новые кровотечения. И я бредила их усиленно — что мне еще было делать? Долгая битва закончилась моим полным поражением, не оставив после себя ничего, кро-

ме боли и зияющей пустоты. Пустота, к слову сказать, граничила с обрывом, с которого меня так и тянуло прыгнуть. От таких губительных идей необходимо отвлекаться, но мне было особенно не на что и приходилось раз за разом прокручивать в уме детали сражения. Это причиняло еще бóльшую боль, однако боль — дело такое. Со временем она превращается в жесткую корку, а потом становится строительным материалом для стены, которую возводишь вокруг себя. Так что когда мы встретились, не только ты мог похвастаться внушительной оградой. У меня была точь-в-точь такая же, и именно это заставило нас заговорить друг с другом.

Хотя нет. Не только это.

Каков шанс, что две истерзанные жертвы, при встрече сразу опознав друг друга, остановятся поболтать? Почти нулевой. Кроме того, мы, как и положено людям в нашем положении, уже дали себе клятву, что никогда и никому больше не позволим причинить нам страдание и сами причинять не будем; нет, мы погрузимся в одиночество и станем упиваться собственной апатией, так и завершим свою жизнь. Это самый верный путь. Есть, конечно, еще два. Делать больно всем направо и налево или попытаться вновь пройти той же дорогой. Но первый вариант самый лучший. Насилие — путь саморазрушения, в нем нет никакого смысла, а что касается второго пути... Тех, кто наступает дважды на одни и те же грабли, мы называем дураками. И правильно делаем. Природа наградила нас способностью чувствовать боль, чтобы мы держались подальше от опасных вещей. В этом смысле душевная боль

ничем не отличается от физической. Больно? Ну, так и не лезь куда не следует.

И вот мы с тобой попадаем в поле зрения друг друга. Видим прежде всего стены. С любопытством кидаем взгляд за них — замечаем шрамы, а ты еще и капли крови. Что должно произойти дальше? Сочувственный взгляд, может, кивок, мы проходим мимо и вскоре забываем друг о друге навсегда. Мы справедливы к себе и знаем: не одни мы такие на свете, так что не из-за чего поднимать шум. Даже сочувственных взглядов не нужно. Для чего? Просто прошел мимо, подумал: «Такой же, как я...» Вернулся домой, налил чашечку кофе и забыл. А если не помогло, то взял какой-нибудь роман Достоевского и тогда уж забыл вообще все на свете, включая собственное имя.

Имя... Частенько я задаюсь вопросом, было ли у тебя имя? Мейстер Экхарт¹ говорит, что душа не может иметь имени, и погружает нас в безымянный мир — безымянный Бог, безымянные ангелы и люди. Звучит жутко, но ведь мы с тобой так редко называли друг друга по именам как раз по этой причине. Мы чувствовали, что имена, пропечатанные в наших паспортах и оставившие след в сознании родителей и знакомых — фальшивые. В небесной обители томились бесчисленные души, которым предстояло стать людьми, и тут вошел безымянный Бог и вытряхнул на всех горсть имен. Кому что досталось — чистая случайность. Забирай и иди

¹ Немецкий философ, теолог и мистик, жил в XIII–XIV веках.

с этим в мир живых. Но, по сути, мы все — безымянные сущности, созданные безымянным Богом и принесенные на землю безымянными ангелами...

Безымянный — не значит безличностный. Меня привлекла твоя душа. А тебя — моя. Пусть они обе и не имеют имени, мы бы не променяли эти души ни на какие другие.

И все же, как так случилось? Мы не должны были подойти друг к другу и заговорить. Однако между нами вклинилась часть той силы, что «вечно хочет зла и вечно совершает благо»¹. Выглядела эта часть как приткий молодой человек с хитро сверкающими глазами и коварной ухмылкой. С таким видом, словно поставил целью своей жизни любой ценой навредить мне, он схватил меня за руку и подтащил к тебе. «Позволь вас познакомиться!» — громогласно сказал он и представил нас друг другу, после чего исчез. Мы так и не смогли потом вспомнить, чей же это был знакомый, и понять, что это вдруг на него нашло. И я, и ты пресекали все возможные попытки сблизиться с кем-нибудь или хотя бы завести поверхностное знакомство. Причем пресекали настолько решительно, что в конце концов наше окружение усвоило — лучше не надо, не то быть скандалу.

Но вот мы стоим рядом, одни. Повернуться и уйти как-то невежливо, тем более что мы видим раны друг друга и понимаем, что претерпели одни и те же потери, а это, как-никак, сближает. Но и говорить вроде не о чем. Не прошлое же

¹ Гете И. В. «Фауст». Перевод М. Булгакова.

бередить, в самом деле. Хотя очень хотелось дать понять — я вижу, понимаю, ты не один такой...

И тогда я сказала:

— Какая у вас впечатляющая ограда!

Ты моргнул, чуть улыбнулся и ответил:

— Ваша ничем не хуже.

Подумал немного и добавил:

— Спиртного хотите? Полезно для ран.

Обеззараживает.

— Спасибо, — ответила я. — Хочу.

— Пойдем ко мне в машину. — Ты резко перешел на «ты».

От таких откровенных предложений спустя пару минут после знакомства следует нестись прочь со всех ног. Вокруг тебя была стена, я понятия не имела, что за ней находится. Но мои раны оказались свежее твоих, и одиночество с непривычки терзало душу. Поэтому я спокойно сказала «пошли!», и мы, прихватив бутылку бренди, направились на улицу.

Твоя машина стояла у самого входа. Мы забрались на передние сиденья и более или менее надежно спрятались от мира за тонированными стеклами. Ты открыл бутылку; едва пробка отворила горлышко, из него причудливой загогулиной вырвалась струя синеватого дыма. Зависла на мгновение в воздухе и растворилась без остатка.

— Сигма, — сказал ты, имея в виду форму исчезнувшей фигуры.

— Дзета, — возразила я.

Мы задумались. Ты не моргая взирал в горлышко бутылки, словно ждал, что оттуда вырвется еще что-то — какая-нибудь там кси или даже ипсилон. Но ничего такого не произошло,

и ты, то ли сочтя поданный знак достаточным для выводов, то ли приняв за указку равнодушие бутылки, то ли просто найдя что-то в собственных мыслях, медленно перевел взгляд на меня и проговорил:

— Мы бы могли договориться. Правда?

— Почему нет? — Я пожала плечами. — После всего, что случилось.

— После всего, что случилось, — повторил ты.

Никто из нас не знал, что произошло с другим, но раны и стены говорили сами за себя и намекали, откуда дует ветер. Не однозначно, но достаточно для того, чтобы начертать розу ветров и определить преобладающие потоки, затем выбрать господствующий над всеми остальными и потом уже уверенно заявить, что понял, в чем дело. Только вот мы не стали так поступать. Нам не хотелось знать подробностей. По-настоящему пострадавшие люди понимают, что в перетирании пережитых трагедий нет никакого толка. Ты увидел товарища по несчастью, выхватил его среди десятков или даже сотен людей — этого более чем достаточно. Теперь можно помолчать и насладиться ощущением того, что вы не одни в этом мире.

Вот мы и молчали. И смотрели друг на друга. Ты сразу показался мне славным, даже глубокие шрамы не портили твое милое лицо, и в этом тесном пространстве, ограниченном тонированными стеклами и залитом тусклым теплым светом, я откровенно залюбовалась тобой. Тонкие черты, бледная кожа, мягкие каштановые волосы и потухший взгляд темных глаз делали тебя похожим на Марию Магдалину с картины Матео

Сересо — с той, где она держит в руке череп и, глядя на распятие, явно вопрошает у Христа, что ей делать с этой вещницей.

Обдумав это сравнение, я нашла, что ты красив. И хотя у тебя не было черепа в руках, зато была бутылка бренди, делавшая образ менее заволаживающим, но более реальным. В противном случае я могла бы принять тебя за видение, вызванное частью той силы, которая свела нас вместе.

Интересно, что и ты сравнил меня с Марией, только с другой картины, автора которой ты так и не смог вспомнить. Я узнала об этом, когда ты протянул мне бутылку.

— Держи. Тебе не хватает черепа, — добавил ты бестолково и, поймав мой подозрительный взгляд, поспешил объяснить: — Ты напомнила мне Магдалину с одной картины. У нее там длинные темные волосы — прямые, как у тебя. Она смотрит точно как ты на меня, только на пламя свечи. А на коленях у нее — череп.

— На огонь можно смотреть бесконечно, — сказала я. — На тебя, наверное, тоже. — Я взяла бутылку и добавила: — Теперь тебе не хватает черепа. Ты мне тоже напомнил Марию.

— Плохи наши дела, — решил ты.

— Нехороши, — согласилась я. — Но череп символизирует бренность бытия — так, может, если у нас нет хотя бы одного, то нет и ее, бренности? У кого-то есть, только не у нас.

— Я всегда думал наоборот.

— Я тоже.

Мы помолчали еще немного. Но последние нити сомнений были разорваны глупыми ассо-